

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-457-465

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Обломов и Мышкин: штрихи к теме

И.А. Беляева

*Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП*

✉ belyaeva-i@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из возможных линий сопоставления героев романа «Обломов» и «Идиот», основа для которого была сформулирована еще Достоевским, указавшим как на родство Мышкина и Обломова, так и их отличия. Целью является объяснение особого статуса героев Достоевского и Гончарова в вышеназванных романах, который обуславливается их эксплицитным или имплицитным желанием спасти мир. Ставится задача систематизировать разные взгляды ученых на вопрос об общности двух писателей, в том числе в свете тяготения обоих к русской духовной традиции. Выдвигается тезис о том, что параллель двух героев так или иначе связана с решением обоими писателями проблемы мирской святости и допустимости ее границ и пределов в обычной жизни. И в романе «Идиот», и в романе «Обломов» реализуется такой вариант «сюжета спасения», в котором герой как бы претендует на роль спасителя других, хотя и линия личного спасения, актуализированная особенно у Гончарова в «Обломове» и имеющая дантовские истоки, также ярко представлена. И если в случае с Мышкиным претензии быть как Христос фактически приводят его к личной катастрофе и разрушают ближний круг, то в варианте Обломова таких потерь нет, но даже есть обретения: сближение Штольца и Ольги, пробуждение к новой жизни Агафьи Матвеевны Пшеницыной. Автор статьи приходит к выводу о том, что и Достоевский, и Гончаров не забывали о человеческой природе своих героев, но если первый, выражаясь словами Гончарова, позволил своему Мышкину, или «князю Христу» носить «божескую рясу» и тем в немалой степени предопределил его человеческую неудачу в деле спасения, то второй умалил в своем Обломове черты святости, оставив лишь намеки на них, которые и притягивают к герою людей, делая при этом их и их малый мир лучше.

Ключевые слова: Гончаров, Достоевский, Обломов, Мышкин, «Идиот», «Обломов», сюжет спасения, роман

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено по гранту РФФИ № 20-012-00221.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию – 11 июня 2021 г.; дата принятия к печати – 26 июля 2021 г.

Для цитирования: Беляева И.А. Обломов и Мышкин: штрихи к теме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 457–465. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-457-465

Oblomov and Myshkin: Some Aspects of the Issue

Irina A. Belyaeva

*Moscow City University,
4 2-Sel'skohos'ajstvennyi Pas., Moscow, 129226, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University,
Leninskije Gory, GSP, Moscow, 119991, Russian Federation*
✉ belyaeva-i@mail.ru

Abstract. The article examines one of the possible parallels between the protagonists of the novels *Oblomov* and *The Idiot*, which was formulated by Dostoevsky himself. He pointed out both the similarities between Myshkin and Oblomov and the differences between the two. The purpose of the article is to explain the special status of the characters of Dostoevsky and Goncharov, which is linked to their explicit or implicit desire to save the world. The task is to systematize various views of scholars on the issue of Dostoevsky and Goncharov, especially in the light of their relation to the Russian spiritual tradition. The thesis is put forward that the similarity between the two protagonists may be explained by the similarity of the two authors' views on the problem of secular holiness. In both novels similar versions of the “plot of salvation” are realized, in which the protagonist claims to be the savior of others, although another motif, that of personal salvation, is emphasized by Goncharov in *Oblomov* and has Dante origins. While in the case of Myshkin his wish to be Christ-alike lead him to a personal catastrophe, and the destruction of his inner circle, in Oblomov's case there are no such losses, there are even some advantages in the form of the emerging life of Shtolz and Olga, in the form of awakening to a new life of Agafia Matveevna Pshenitsyna. The author of the article comes to the conclusion that both Dostoevsky and Goncharov did not forget about the human nature of their characters, but the former, as Goncharov put it, allowed his Myshkin, “Prince Christ”, to wear a “divine robe” and thus largely predetermined his failure as a savior, while the latter alleviated the traits of holiness in his Oblomov, leaving only traces of them, which attract people to the character making them and their small world better.

Keywords: Goncharov, Dostoevsky, Oblomov, Myshkin, “The Idiot”, “Oblomov”, plot of salvation, novel

Acknowledgements and Funding. The article was written as part of research grant project RFBR № 20-012-00221.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: received: June 11, 2021; accepted: July 26, 2021.

For citation: Belyaeva, I.A. (2021). Oblomov and Myshkin: Some aspects of the issue. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 457–465. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-457-465

Введение

Вопрос о творческих взаимосвязях между И.А. Гончаровым и Ф.М. Достоевским освещался в науке, но имеет не очень внушительную историю. Можно назвать работу И.А. Битюговой, опубликованную еще во второй половине 1970-х годов, о романе «Обломов» в творческом восприятии Достоевского, где справедливо говорится о том, что обратного влияния – т.е. влияния Достоевского на Гончарова – скорее всего, не было в силу индивидуального склада автора «Обломова» [1]. Десятью годами позднее на гончаровской конференции в Ульяновске прозвучал доклад Т.И. Орнатской, где справедливо было отмечено, что системно вопрос о Гончарове и Достоевском еще не ставился, а он требует глубокой проработки, с учетом разных факторов и уровней – от биографического до типологического [2].

Интенсивность обращения к теме со временем только усиливалась. Здесь можно назвать работу В.А. Туниманова о гончаровском «лейтмотиве “жалкие слова”» в «Записках из подполья» Достоевского [3]; статью Т.Б. Трофимовой-Шифф о ряде сюжетных параллелей, об общих темах и мотивах в «Обломове», «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании» [4]; фундаментальное исследование В.И. Мельника [5], где обозначен новый вектор в этой сопоставительной теме, который определяется религиозной основой творчества обоих писателей. «И Достоевский, и Гончаров, – пишет В.И. Мельник, – идут от Евангелия» и «остаются в лоне русской духовной традиции» [5. С. 61].

Непосредственно проблеме «Мышкин и Обломов» была посвящена статья Ксении Бланк [6] из Колумбийского университета, если не считать тезисов польской исследовательницы Халины Халацинской-Вертеляк, в которых говорится о возможном сближении героев Достоевского, Гончарова и Сервантеса и о трех книгах этих писателей как о некоем «обильном, совместном тексте» [7. С. 10]. Но в целом параллель «Мышкин – Обломов», заявленная самим Достоевским и транслируемая многими учеными, пишущими на указанную тему, еще нуждается в дальнейшей разработке и заслуживает внимания. Далее предлагается развитие темы, связанной с реализацией в этих образах мотивов мирской святости.

Обсуждение

Напомним высказывание Достоевского о герое его романа «Идиот», в котором идет речь и об Обломове, сохраненное метранпажем типографии М.А. Александровым, оставившим свои воспоминания в «Русской старине» за 1892 год. «Однажды в разговоре, – пишет М.А. Александров, – коснулись И.А. Гончарова, и я с большою похвалою отозвался об его „Обломове“, Федор Михайлович соглашался, что „Обломов“ хорош, но заметил мне:

– А мой идиот ведь тоже Обломов.

– Как это, Федор Михайлович? – спросил было я, но тотчас спохватился. – Ах да! ведь в обоих романах герои – идиоты.

– Ну да! Только мой идиот лучше гончаровского... Гончаровский идиот – мелкий, в нем много мещанства, а мой идиот – благороден, возвышен».

«...Раньше мне, – резюмировал наборщик, – да и многим, вероятно, – и в голову не приходило проводить какую-бы то ни было параллель между этими двумя произведениями отечественной литературы» [8. С. 308]. Но Достоевский, как видим, сам актуализировал тему «Обломов и Мышкин».

Ксения Бланк, непосредственно изучавшая персонажную пару «Мышкин – Обломов», считает Обломова «одним из прототипов Мышкина», что, вероятно, трудно как отрицать, так и утверждать, и отмечает его христианские добродетели, чудаковатость (она сродни простодушью сказочного дурочка, так называемого «младшего брата») и сердечность, которые, как небезосновательно полагает исследовательница, «убедительны... потому, что одновременно Обломов ущербен» [6. С. 481]. Обломов тем самым, полагает исследовательница, как и Мышкин в интерпретации самого Достоевского, вызывает «сострадание к осмеянному и не знающему своей цены прекрасному» [9. С. 251]. Здесь герои, по справедливой мысли К. Бланк, соединяются как характеры «не от мира сего».

Все это чрезвычайно интересные наблюдения. Хотелось, однако, их дополнить размышлениями о близости романной задачи Гончарова и Достоевского. Оба писателя предлагали своим читателям такую романную модель, согласно которой в мир является герой, призванный его спасти, ну или же значительно улучшить (см.: [10]). Справедливости ради стоит сказать, что в этом смысле и Обломов, и Мышкин восходили к единому литературному архетипу – Дон Кихоту (отсюда и известное, давно обнаруженное в критической литературе сходство с романом Сервантеса некоторых сюжетных линий и ситуаций как в «Обломове», так и в «Идиоте»), а в пределе к другому «положительно прекрасному лицу – Христу», которое «есть только одно» «положительно прекрасное» [9. С. 251], другого не может быть.

Такую же «безмерную задачу» [9. С. 251] изображения положительно прекрасного, полагает В.И. Мельник, анализируя вышеприведенное высказывание об Обломове, Достоевский признает за Гончаровым. «Стало быть, – пишет исследователь, – Достоевский сумел все-таки разглядеть в Обломове Христа», «а стало быть, почувствовать некую параллельность Гончарова своим поискам идеала» [5. С. 57]. Другое дело, что и у Гончарова, и у Достоевского герои, похожие на Христа и на Дон Кихота одновременно (а герой Сервантеса также являлся литературной вариацией высшей идеи спасения), не могут в полной мере повести мир за собой и научить людей, как им жить.

Между тем такое целеполагание было у обоих, хотя и выражалось оно в разной мере. Так, Обломов сочинял «узор» своей новой жизни, с изложением которого читатель знаком лишь фрагментарно, но на самом деле этот его «узор», или план, должен был стать грандиозным проектом преобразования

себя и своего малого мира, в идеале – новым словом против старой, несовершенной жизни, своего рода вестью для людей, которая на самом деле и была услышана Штольцем и Ольгой, в немалой степени воссоздавшими в реальной жизни практические мечты Обломова [11]. И хотя Обломов не поучает и не проповедует, он оказывается в центре внимания. Возможно, что люди тянутся к нему интуитивно – как к свету, как к источнику некоей высшей красоты, или мирской святости. Общение с Обломовым оказалось ведь для многих благодатным и спасительным, достаточно вспомнить не Штольца и Ольгу Ильинскую, но и Агафью Матвеевну Пшеницыну.

Мышкин в большей степени, чем Обломов, ощущает себя миссионером добра, о чем убедительно писал К.А. Степанян [12]. Герой Достоевского едет в Россию не проповедовать прямо, но имея, что сказать людям: «Есть такие идеи, есть высокие идеи, о которых я не должен начинать говорить, потому что я непременно всех насмешу» [13. С. 283], – говорит он. Но при случае объясняет свой «новый» взгляд. Так, во время разговора с Епанчинными, когда Аделаида замечает, что «князь ведь за границей выучился глядеть», он отвечает: «Не знаю; я там только здоровье поправил; не знаю, научился ли я глядеть. Я, впрочем, почти всё время был очень счастлив» [13. С. 50]. И сестры просят его научить их быть счастливыми:

– Счастлив! Вы умеете быть счастливым? – вскричала Аглая. – Так как же вы говорите, что не научились глядеть? Еще нас поучите.

– Научите, пожалуйста, – смеялась Аделаида.

– Ничему не могу научить, – смеялся и князь, – я всё почти время за границей прожил в этой швейцарской деревне; редко выезжал куда-нибудь недалеко; чему же я вас научу?» [13. С. 50].

Но его рассказ об этой, казалось бы, простой жизни на самом деле и есть формула благобытия: «Сначала мне было только нескучно, – говорил Мышкин – я стал скоро выздоравливать; потом мне каждый день становился дорог, и чем дальше, тем дороже, так что я стал это замечать. Ложился спать я очень довольный, а вставал еще счастливее. А почему это всё — довольно трудно рассказать» [13. С. 50]. Не зря позже один из персонажей, как бы пытаясь вернуть Мышкина к действительности, уже в другой ситуации и во время другого разговора, замечает ему: «Милый князь <...> рай на земле не легко достается; а вы все-таки несколько на рай рассчитываете; рай – вещь трудная, князь, гораздо труднее, чем кажется вашему прекрасному сердцу. Перестанемте лучше, а то мы все опять, пожалуй, сконфузимся, и тогда...» [13. С. 282].

Герои Достоевского и Гончарова вполне, думается, сопоставимы в плане размышлений писателей о пределах мирской святости. О серьезных опасениях на этот счет Достоевского справедливо писал К.А. Степанян, вслед за Н.Н. Арсентьевой полагая, что своим Мышкиным писатель включился в начатую еще Сервантесом рефлексию на эту тему, поскольку в его

Дон Кихоте сами испанцы видели «земного Христа, спасителя нации» [14. С. 74]. Н.Н. Арсентьева на этом основании как раз сближает Дон Кихота и Мышкина, подчеркивая, что «религия непримиримой борьбы за справедливость Дон Кихота и религия сострадания князя Мышкина при всей их привлекательности все же далеки от подлинно христианского сознания. Их вера, являясь рационалистической по своей сути, основана на идее безблагодатного спасения, исходящего от самого человека, которая закономерно ведет к мессианизму, богоподобию, подмене христианских ценностей мифическими» [14. С. 86].

Возможно, что ввиду явной параллели Мышкина с Христом, определения его «князем Христом», катастрофичность судьбы героя звучит отчетливее, чем трагедия Обломова. Подчеркнем, что последний как раз на уровне повествования хотя и обнаруживает скрытую религиозность – а так почти всегда, по наблюдениям В.И. Мельника, бывает у Гончарова [15], – но нигде себя не мыслит учителем или спасителем. Скорее, его силы направлены на него самого: после окончания университета он понял, что «горизонт его деятельности и житья-бытья кроется в нем самом» [16. С. 63]. Но Обломов так – как «хрустальную душу» и как чистое «голубиное сердце» – воспринимают другие. В Крымской главе Ольга и Штольц живут «так, как мечтал Обломов». Этот тезис повторяется не единожды. Они реализуют его «узор» жизни, как будто следуя заветам Обломова, мирская святость которого, конечно, не очевидна и как бы имплицитна. Мир его, хотя бы в частном варианте отношения к герою Ольги и Штольца, на самом деле это его качество воспринимает – и все делается как будто лучше и чище, соприкоснувшись с Обломовым, хотя он сам страдает от своего собственного несовершенства. Сама смерть его тихая – умирительна, если вспомнить ту систему координат, которую предложил в качестве ключа к описанию кончины Дон Кихота И.С. Тургенев.

Мысли Достоевского о допустимости мирской святости и ее пределах подкрепляются также параллелью Мышкина и Франциска Ассизского [12. С. 323–342]. Герой Достоевского, столкнувшись с тем, что мир не готов слышать его слова о том, «как можно... не быть счастливым, любясь прекрасным зеленым миром» [13. С. 309], уезжает в Швейцарию. Это не прямая причина, конечно, но именно она лежит в основе его трагедии. Он не умирает физически, но его болезнь не оставляет надежды. На героя вполне проецируются слова о «рыцаре бедном»: «Всё безмолвный, всё печальный, // Как безумец умер он» [13. С. 209].

Заключение

Гончаров и Достоевский в своих романах представили ситуацию, когда человек, «положительно прекрасный» (Достоевский), или «в высшей степени идеалист» (Гончаров), приходит в мир, чтобы его изменить. У обоих – не получается это сделать. Но оба – оставляют по себе след. Только за одним –

больше разрушенных судеб, за другим – наоборот, складывающихся. Тихая, не явная мирская святость Обломова, с его большей устремленностью на исправление самого себя, а не мира внешнего, оказывается все-таки «лучше», если перефразировать слова Достоевского, «святости» его Мышкина. Достоевский увидел в Обломове «много мещанства», тогда как в своем «идиоте» – «благородство» и «возвышенность». Но, вероятно, что «мещанство» – лишь внешний знак того, что Обломов если и подражал Христу, то именно как человек, но ни в коем случае не как равный. В одном из писем к С.А. Никитенко Гончаров восклицал: «Не забывайся, человек, и не надевай божескую рясу на себя!» [17. С. 367]. И даже если «природа, судьба, все требует идеала или, лучше сказать, все ставит нам идеал», то «и природа и судьба делают также и уступки, ибо принята во внимание слабость человека, его хрупкость, крайнее несовершенство» [17. С. 367]. Достоевский тоже напомнил о человеческой природе своего героя тем, что обрек его в конце романа на потерю личности, однако при этом, выражаясь словами Гончарова, позволил все же своему Мышкину, или «князю Христу», носить «божескую рясу», в отличие от не претендующего на высший титул «мещанина» Обломова.

Библиографический список

- [1] Битюгова И.А. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в художественном восприятии Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 2. Л.: Наука, 1976. С. 191-198.
- [2] Орнатская Т.И. Достоевский и Гончаров // Гончаров И.А.: материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск: Симбирская книга, 1992. С. 105–114.
- [3] Туниманов В.А. «Жалкие слова» («Обломов» Гончарова и «Записки из подполья» Достоевского) // Pro memoria. СПб.: Наука, 2003. С. 168–178.
- [4] Трофимова-Шифф Т.Б. «...И заставили его писать записки...» (к теме «Ф.М. Достоевский и И.А. Гончаров») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 22. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 208–217.
- [5] Мельник В.И. И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский // Вестник славянских культур. 2010. № 1 (15). С. 51–63.
- [6] Бланк К. Мышкин и Обломов // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 472-481.
- [7] Халацинска-Вертеляк Х. Ипостаси мечты: Дон Кихот – Обломов – Мышкин // Internationale Fachkonferenz “Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung”. Thesenpapiere. Bamberg, 1991. S. 10.
- [8] Ф.М. Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Русская старина. 1892. № 5. С. 293-336.
- [9] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Кн. 2. Л.: Наука, 1985. 616 с.
- [10] Беляева И.А. Сюжет спасения в русском классическом романе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 44-52.
- [11] Беляева И.А. План новой жизни Обломова и новая жизнь Ольги и Штольца // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2017. С. 76-84.
- [12] Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010. 400 с.

- [13] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. Л.: Наука, 1973. 510 с.
- [14] *Арсентьева Н.Н.* Проблема национального идеала в творчестве М. де Сервантеса и Ф.М. Достоевского // *Ф.М. Достоевский и национальная культура*. Вып. 2. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1996. С. 65–88.
- [15] *Мельник В.И.* Гончаров. М.: Вече, 2012. 432 с.
- [16] *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 4. СПб.: Наука, 1998. 496 с.
- [17] *Гончаров И.А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. 576 с.

References

- [1] Bitugova, I.A. (1976). I.A. Goncharov's *Oblomov* in the perception of Dostoevsky. In *Dostoevsky. Materials and research* (Vol. 2, pp. 191–198). Leningrad: Nauka Publishing House. (In Russ.)
- [2] Ornatskaya, T.I. (1992). Dostoevskij and Goncharov. In *Goncharov I.A.: Materials of the 1987 jubilee Goncharov conference* (pp. 105–114). Ulyanovsk: Simbirsk book Publishing House. (In Russ.)
- [3] Tunimanov, V.A. (2003). "Pathetic words" (*Oblomov* by Goncharov and *Notes from Underground* by Dostoevsky). In *Pro memoria* (pp. 168–178). Saint Petersburg: Nauka Publishing House. (In Russ.)
- [4] Trofimova-Shiff, T.B. (2019). "...And they made him write notes" (on the topic "F.M. Dostoevsky and I.A. Goncharov"). In *Dostoevsky. Materials and research* (Vol. 22, pp. 208–217). Saint Petersburg: Nestor-History Publishing House. (In Russ.)
- [5] Mel'nik, V.I. (2010). I.A. Goncharov and F.M. Dostoevskij. *Bulletin of Slavic Cultures*, 1(15), 51–63. (In Russ.)
- [6] Blank, K. (2001). Myshkin and Oblomov. In *F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot": the current state of research* (pp. 472–481). Moscow, Heritage Publishing House. (In Russ.)
- [7] Halacinska-Vertelyak, H. (1991). Dream Hypostases: Don Quixote – Oblomov – Myshkin. In *Internationale Fachkonferenz "Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung"* (p. 10). Thesenpapiere. Bamberg. (In Russ.)
- [8] F.M. Dostoevsky in the memoirs of a typographer, 1872–1881. (1892). *Russian antiquity* (5), 293–336. (In Russ.)
- [9] Dostoevskij, F.M. (1985). *Complete works* (Vol. 28, book 2). Leningrad: Nauka Publishing House. (In Russ.)
- [10] Belyaeva, I.A. (2016). The plot of salvation in the Russian classic novel. In *Philological sciences. Scientific reports of higher education*, (6), 44–52. (In Russ.)
- [11] Belyaeva, I.A. (2017). Oblomov's plan for a new life, and a new life of Olga and Stolz. In *Materials of VIth International scientific conference dedicated to the 205th anniversary of the birth of I.A. Goncharov* (pp. 76–84). Ulyanovsk: Publishing House "Corporation of Promotion Technologies". (In Russ.)
- [12] Stepanyan, K.A. (2010). *Phenomenon and dialogue in the novels of F.M. Dostoevsky*. Saint Petersburg: Kruga Publishing House. (In Russ.)
- [13] Dostoevskij, F.M. (1973). *Complete works* (Vol. 8). Leningrad: Nauka Publishing House. (In Russ.)
- [14] Arsent'eva, N.N. (1996). The problem of the national ideal in the works of M. de Cervantes and F.M. Dostoevsky. In *F.M. Dostoevsky and national culture* (Vol. 2, pp. 65–88). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House. (In Russ.)
- [15] Mel'nik, V.I. (2012). *Goncharov*. Moscow: Vechе Publishing House. (In Russ.)
- [16] Goncharov, I.A. (1998). *Complete works and letters* (Vol. 4). Saint Petersburg: Nauka Publishing House. (In Russ.)
- [17] Goncharov, I.A. (1955). *Collected works* (Vol. 8). Moscow: State Publishing House of Fiction (In Russ.)

Сведения об авторе:

Беляева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы (МГПУ), профессор кафедры истории русской литературы (МГУ им. М.В. Ломоносова). ORCID: 0000-0003-2840-40344034; e-mail: belyaeva-i@mail.ru

Bio note:

Irina A. Belyaeva, Doctor of Philology, Professor of Russian Literature Department of Moscow City University, Professor of History of Russian Literature Department of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0003-2840-4034; e-mail: belyaeva-i@mail.ru